

УДК 821.111-312.2

ББК 84(0)-44

Г29

Edited by Melissa Marr and Tim Pratt

RAGS & BONES

New Twists on Timeless Tales

Печатается с разрешения издательства Little,
Brown and Company, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Внутренние иллюстрации *Чарльза Весса*

Иллюстрация на обложку
и художественное оформление *Андрея Фереца*

Гейман, Нил.

Г29 Сборщик душ : [антология] / авт.-сост. Мелисса Марр, Тим
Пратт. — Москва: АСТ, 2024. — 480 с. — (Гейман: книжная
полка).

ISBN 978-5-17-163259-5

Нил Гейман, Рик Янси, Гарт Никс, Холли Блэк и классик фэнтези-арта Чарльз Весс дарят своим читателями новые образы любимых сюжетов, создавая иные реальности, полные современной магии.

УДК 821.111-312.2

ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-17-163259-5

© Compilation copyright

© 2013 by Melissa Marr and Tim Pratt

© А. Осипов, перевод на русский язык

© А. Блейз, перевод на русский язык

© А. Зайцев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Посвящается Нилу,
из рассуждений которого родился этот сборник.
Ты был и остаешься для меня чудесным вдохновителем
и любимым другом — и учишь меня хорошему и плохому.
М.М.

Посвящается маме и папе,
которые вырастили меня в доме, полном книг.
Т.П.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н АШИ ПУТИ — пути составителей этого сборника — пересеклись еще до того, как мы впервые встретились друг с другом. Тим окончил факультет литературного мастерства в Северной Каролине и стал редактором и писателем. Мелисса изучала, а затем и преподавала литературу в другом университете того же штата. Собственные рассказы она начала писать на двенадцать лет позже Тима и к тому времени уже была знакома с его творчеством. Тим опубликовал ее первый рассказ. Так они познакомились и подружились: их объединила любовь к литературе малых форм и книгам вообще, а также к фэнтези и научной фантастике. Из этой общей любви и родился замысел сборника — после того как Тим сделал необычный комикс для детей на основе повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Впрочем, у нашего сборника был еще один родитель: однажды вечером в Нью-Йорке мы беседовали с Нилом Гейманом, и тот принялся рассу-

ждать о пересказе старых историй на новый лад. Точнее говоря, речь зашла о пересказе одной конкретной сказки — той самой, которая позже обрела новую жизнь в этом сборнике (хотя, возможно, сам Нил уже и не помнит, с чего все началось). Хочется надеяться, что все это — одно из тех грандиозных совпадений, которые подчас случаются с писателями: образы и произведения искусства, с которыми мы сталкиваемся в своей жизни, продолжают вертеться у нас на уме, сочетаться друг с другом и развиваться дальше. Старинные предания, народные и литературные сказки, полузабытые легенды — все это продолжает вариться у нас внутри, словно волшебное зелье в ведьмином котелке, и время от времени мы добавляем из него ложку-другую в свои собственные новые истории. Мы снова и снова влюбляемся в то, что полюбили когда-то в прошлом; мы снова и снова сражаемся с трудными и болезненными поворотами тех сюжетов, которые завораживали нас еще в детстве.

И вот мы подумали: а не предложить ли некоторым нашим любимым писателям вновь обратиться к милым их сердцу историям, но только на сей раз — не бессознательно, а с определенной целью? Мы поговорили с будущими авторами этого сборника и попросили их выбрать такие сюжеты, которые в свое время взяли их за душу, восхитили, увлекли и оставили глубокое впечатление, — а затем выварить эти сюжеты «до костей и лохмотьев», выявить в них самое главное и создать на его основе что-то новое. Получилось просто замечательно! Чтобы

оценить эти новые истории по достоинству, знакомиться с их прототипами необязательно, но если они подтолкнут вас к поискам своих литературных предков, вы не разочаруетесь.

Рик Янси в своем рассказе, превзошедшем самые смелые наши ожидания, переносит действие «Родимого пятна» Натаниэля Готорна в отдаленное будущее, где опасения, которые внушает нам наука, чудесным и пугающим образом смешиваются с благоговением перед тайной любви. Кэрри Райан увлекает читателя в будущее другого рода, в котором человечество переселилось под землю и впало в такую зависимость от технологий, до какой в реальной жизни нам еще далеко. Келли Армстронг тоже обращается к будущему, но двигателем сюжета у нее становится не технология, а магия — магия и братская любовь. По большому счету, все эти три рассказа (которые можно отнести одновременно и к жанру ужасов, и к научной фантастике) повествуют о наших человеческих слабостях и недостатках.

Истории, собранные в нашей антологии, отражают не только влияния других литературных произведений, но и личные интересы и увлечения авторов. Маргарет Штоль писала свой рассказ в период работы над сценарием фильма по роману «Прекрасные создания» и связала действие «Сирокко» с тем итальянским городком, куда приезжала в поисках творческого вдохновения. Ками Гарсия, соавтор «Прекрасных созданий», вложила в своего «Сборщика душ» память о тех годах, когда

она работала школьной учительницей в социально необеспеченном пригороде Вашингтона. Оба рассказа несут на себе печать житейского опыта, который, однако, получает совершенно неожиданное развитие и принимает восхитительно зловещие образы.

Собранные здесь рассказы весьма разнообразны по структуре и стилю, что само по себе вызывает интерес. Гарт Никс, вдохновленный Киплингом и его героями, не знающими меры в честолюбии, ведет повествование от лица рассказчика, который описывает происходившие с ним события. Но поручиться за точность этого изложения нельзя: рассказчик явно не прочь приврать. Холли Блэк преобразует Кармиллу, женщину-вампира из одноименной новеллы Шеридана ле Фаню, в бессмертную, но вполне современную девочку-подростка, пытающуюся сражаться с собственной природой. В результате ее рассказ принимает форму глубоко эмоциональной исповеди. Саладин Ахмед дает слово сарацинам, оклеветанным и окарикатуренным в «Королеве фей», и использует в собственных целях образы и ритмы этого прототипа всей эпической фэнтези.

Джин Вульф в своем сиквеле к рассказу Уильяма Сибрука повествует о причудливых и страшных последствиях, к которым ведут дикарство и бесчеловечность. Еще несколько авторов также обращаются к необычным для себя стилистическим приемам — и всегда с самыми замечательными результатами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составители тоже включили в сборник свои работы. Не сговариваясь, оба они обратились к теме американского Юга: Тим Пратт, уроженец Северной Каролины, привносит южный колорит в свою переработку рассказа Генри Джеймса, а Мелисса Марр, напротив, окрашивает традиционный для Юга сюжет в шотландские тона.

Надеемся, что плоды наших трудов придутся вам по вкусу.

Мелисса Марр и Тим Пратт

Кэрри Райан

Чтобы Машина работала вечно...

Только в самом низу лестницы до Тавила доходит, что сестры позади нет. Он устремляет взгляд вверх, в узкий тоннель, ведущий на поверхность, ожидая увидеть ее где-нибудь там, но видит лишь тьму, увенчанную круглой шапочкой ярких звезд.

— Прия!

Голос его неестественным эхом прыгает меж металлических стен колодца. К такой звуковой клаустрофобии он совсем не привык: там, где обитает Тавил, звукам хватает места развернуться.

Сестра не отвечает. Хоть бы голову высунула над закраиной трубы, сказала какую-нибудь гадость или просто показала, что она еще там. Тавил колеблется: может, стоит вернуться наверх? Может, Прия испугалась? Он глядит вниз. Там, совсем недалеко, резкий свет выхватывает из тьмы последнюю ступеньку лестницы, за которую цепляются его гибкие подошвы. Один прыжок с небольшой высоты, и он весь окажется Внизу. Какой-то жужжащий звук под-

нимается оттуда и проникает, кажется, в самые кости. Даже кровь в жилах принимается вибрировать в унисон.

Как же легко зачаровывает звук — самая его механичность уже погружает в транс. Словно биение сердца, словно сам этот мир, а не только какие-то его внутренние детали — весь сплошь живой. Мысль эта одновременно и пугает, и влечет Тавила. По природе своей (вернее, как раз по недостатку природы) подземный мир Машины отвратителен. В мире Тавила, Верхнем мире, — это непреложный факт.

И как раз это делает приключение невероятно притягательным: Тавил не верит в непреложное. Он хочет сам, своими глазами, увидеть Машину до ее неизбежной гибели.

Тавил отпустил ступеньку и дал себе упасть в искусственный свет. К нему тут же с ревом ринулось металлическое чудовище; он едва успел распластаться по стене, хватая ртом воздух. Даже и так расстояние от его ребер до бока монстра оказалось меньше ладони. Рубашка неистово хлопала в потоке ветра с тяжелым «ВВУМ, ВВУМ, ВВУМ», проносившегося мимо, пока тварь наконец не исчезла вдаль, за поворотом рельсов, оставив после себя идеальную тишину, нарушаемую только немолчным гудением Машины да тяжелым дыханием Тавила.

Тавил безотчетно дрожал, каждая клеточка его тела словно корчилась на углях от пережитого

страха. Он не помнил, когда закрыл глаза, но это было определено до *лица*. Лицо пялилось на него через стекло окна, пока поезд мчался мимо, всего какую-то секунду, не то мужское, не то женское, но явно человеческое — в этом Тавил был совершенно уверен. Тело при лице тоже имелось — пухлое и белое; темя лысое, только пара прядей осталась; рот распялен от удивления, а там, где полагается быть зубам, влажно поблескивают мясистые розовые десны.

Видения оказалось достаточно, чтобы Тавил решил: с этим давно похороненным миром ему все ясно, можно отчаливать. Однако, обернувшись, он обнаружил, что дыры, через которую он сюда свалился, больше нет. На ее месте сверкала белая кафельная плоскость — нескончаемый, неразличимый узор по всему тоннелю, докуда хватало глаз. Всякий лом и мусор, которым был усыпан пол у устья дыры, тоже куда-то пропал.

Тут-то Тавилу и открылась истина этого места: он глубоко под землей. Мускулы рук и ног, героически одолевшие спуск, от перенапряжения свело судорогой. И не хватит никаких известных человеку мер и весов, чтобы оценить величие земной толщи между ним и поверхностью. Между выдохшимся желтым воздухом Здесь, Внизу, и свежестью ночного тумана Там. Между вечным искусственным светом и текущей сквозь время тьмой.

Он в ловушке. Пойман. Самым диким и чудовищным образом. Как в гробу, в саркофаге, в могиле. Тавил кидается скрести кафель, не обращая внима-

ния на то, что ногти ломаются и пальцы размазывают по белой тверди кровь. Он кричит, не думая о том, слышит ли его кто-нибудь; услышат, так, может, выкинут отсюда как обнаглевшего Бездомного.

— Помогите! Помогите! — вопит он.

В промежутке между двумя отчаянными всхлипами ему слышится эхо по ту сторону стены. Словно шепот в потайном вентиляционном канале. Зов о помощи — такой же, как у него. Тавил умолкает и вслушивается. Там тоже скребутся, и сердце у него радостно кидается на ребра: это Прия пришла наконец его спасти!

Он стоит, вперив взгляд туда, где был тоннель навверх (лицо мокро от слез, тело кидает туда и сюда от рваного, прерывистого дыхания), когда прибывают черви. Он их даже не замечает, пока один не обвивается, сильно сдавив, вокруг ног. Падая, Тавил успевает заметить их длинные, белые, механические тела. А потом голова его ударяется об пол, и остается только тьма.

Он очнулся на кровати в маленькой комнатке с полом в форме ячейки пчелиного улья. У одной из дальних стен стояло кресло, между ним и кроватью — квадратный стол, а на столе — книга поистине гигантских размеров. Тавил оперся на локоть и дрыгал ногами, пока не сумел наконец сесть. Еще некоторое время он усердно тянул шею, чтобы прочесть название на обложке — «Книга Машины».

Страницы внутри оказались тонкие и шелестящие, почти прозрачные, так что если придвинуть

лицо совсем близко, видно, как на другой стороне шевелятся пальцы. Вся бумага сплошь покрыта цифрами и словами, такими крошечными, что у Тавила заломило глаза от старанья их разглядеть.

Свет в комнате горел неяркий, но и не тусклый; Тавил поискал источник, но ничего не нашел. Свет просто был. Как и жужжание, которое ощущалось каждой частицей тела, будто оно шло изнутри. Тавил встал, и волосы у него на макушке коснулись потолка, мгновенно вызвав безотчетное, но на удивление стойкое ощущение, что тут нужно все время пригибаться, иначе потолок упадет тебе на голову. Всего несколько шагов, и вот она — противоположная стена... Слишком уж эта комната похожа на клетку. Все в ней такое идеально герметичное, окукливающее.

Наверное, он в камере, в какой-нибудь тюрьме; наверное, это наказание за вторжение без спросу. Если да, интересно, сколько его будут держать тут, под землей? И снова одной мысли о толще земли, отделяющей его от поверхности, хватает, чтобы в груди сперло дыхание, а всю кожу словно закололо изнутри. Тавил лихорадочно вцепился в рубашку и штаны — только чтобы обнаружить, что они совсем не те, в которых он лез по лестнице в колодезь.

Он закурился на месте, обыскивая взглядом стену за стеной, грань за гранью, но находя лишь вертикальные и горизонтальные ряды кнопок, за исключением одного пустого куска, который, видимо, нужно считать дверью. Тавил кинулся на нее всем телом, но она, естественно, не открылась, а

швы по бокам оказались такие узкие, что в них и ногтя не просунуть. Нет, тут нужно какое-то орудие. Он сбросил книгу на пол, схватил стол и швырнул его об стену.

Этого мало. Тавил попытался пустить на дело разрушения еще и стул, но у того в основание оказался вделан какой-то тяжеленный механический двигатель, так что его и от пола-то толком не оторвешь. В отчаянии Тавил схватился за книгу и метнул ее через комнату вслед за столом. От удара о стену обложка оторвалась, и сокрытое знание стало на диво открытым. Тонкие странички наполнили воздух, словно лепестки цветущей яблони ветренным весенним утром. Дверь, однако, отворилась, и некоторые, особо удачливые, уплыли через проем в великое неизвестное. Удача настолько ошеломила Тавила, что дыхание снова перехватило, кровь ринулась обратно в руки, а сердце прекратило свой надсадный внутренний вопль. Он сделал шаг вперед (согнувшись, чтобы снова не подмести волосами потолок). Корешок громадной книги, врезавшись в стену, оставил на ней метину — прямо под одной из кнопок. Тавил вытер взмокшие от пота пальцы о край рубашки, облизнул губы и нажал.

Края проема встретились, опять запечатав выход. Еще одно нажатие — и дверь открылась. От движения створок по комнате пронесся легкий сквозняк, шевеля бьющиеся о ноги бумажные волны.

Тавил выглянул наружу. Прямо вперед бежал тоннель, вдалеке слегка загибаясь дугой. Ничего осо-

бенно примечательного в нем не было. Стены такого же цвета, что и в комнате (то есть белого), правда, совсем без кнопок. И потолок повыше, так что Тавил смог наконец выпрямиться во весь рост. Гул все еще отдавался в костях, и воздух был старый на вкус, словно на пути к его легким прошел через слишком много чужих.

Тавил переступает порог и идет. Куда — ни малейшего понятия. Зачем — во-первых, потому что надо же как-то двигаться; во-вторых, потому что он хочет домой. Он не может оставаться здесь: стены слишком близко, между ними даже воздуху тесно, нечем дышать. Чем больше он думает про эту тесноту, тем больше его охватывает исступление.

Сердцу уже наплевать на приказ сохранять спокойствие, оно рычит и бьется в грудной клетке. Мозг посылает в эфир панические сигналы: *меня поймали, поймали, поймали*. Тавил пытается не слушать их, но тело слышит и впадает в безутешное отчаяние: потеет, немеет, сотрясается дрожью.

Есть лишь одно лекарство: надо выбраться на поверхность. Немедленно! Надо увидеть небо, услышать тишину, глотнуть воздуха, не пропущенного предварительно через какой-то механизм. Тавил бежит, но коридор все равно обгоняет его, лукаво прячась за поворот, лишая даже надежды достигнуть цели.

Он минует другие двери и представляет себе других людей, пойманных в ловушки маленьких комнат, усеянных кнопками. И все эти закрытые кле-

тушки надежно прячут своих обитателей внутри, защищая их даже от мысли о мире, что всего в паре футов от их собственного.

Защищая их от него.

«Интересно, они слышат мои крики? — думает Тавил. — Мое хрипящее дыхание. Кулаки, колотящие, колотящие в двери в надежде, что кто-нибудь откроет и спасет меня».

Но никто его не спасает, пока поворот вдруг не остается позади, швыряя в лицо вместо бесконечной монотонности «до сих пор» ошеломительную новизну «сейчас» — открытую дверь. Тавил медленно приближается и осторожно сует нос внутрь. Внутри точно такая же комната, как его, но без кровати: только кресло, стол и огромная книга на столе.

В комнате было пусто. Тавил уже собрался уходить, как вдруг увидел что-то интересное: отметину на стене, внутри, рядом с дверью, прямо под кнопкой. Очень знакомую отметину. Потому что он сам ее тут оставил — несколько минут назад, когда швырнул книгой в закрытую дверь.

Книгой, которая взорвалась, заблевав бумагой всю комнату и коридор снаружи. Теперь все было чисто, ни листочка. Книгу тоже заменили, лежит себе на столе как ни в чем не бывало. От его панического припадка ничего не осталось, кроме отметины на стене и остатков дрожи где-то под ребрами — последних обрывков сигнала тревоги, уносимых отливом в пучины организма.

